

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. С. ПОСПЕЛОВ

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ГРАММАТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ И ЧАСТЯМИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Грамматические категории устанавливаются в грамматическом строе каждого языка в процессе абстрагирования от конкретного языкового материала. Поэтому при определении грамматических категорий в том или другом языке мы должны иметь в виду не конкретные слова и не отдельные конкретные предложения, а именно то общее, что в пределах данного языка лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях и разнообразно выявляется в частях речи, в различных членах предложения, в разных типах предложений простых и сложных, в конструктивных типах словосочетаний, в различных способах объединения предложений в сложные синтаксические единства.

Таким образом, грамматические категории представляют собою общеприятные, характерные для данного языка грамматические значения, которые находят свое выражение в изменении слов и в сочетании слов в предложениях. Грамматические же формы должны рассматриваться как средства выражения этих общих категорий в конкретной оболочке слов и предложений. Грамматические категории выражаются в грамматических формах и не могут существовать отдельно от них¹. Как продукты абстракции, грамматические категории являются результатом длительного процесса исторического развития и совершенствования грамматического строя того или другого языка.

Грамматические категории одного и того же языка различны по степени абстрагированности от частного и конкретного. Поэтому у одних грамматических категорий связь с конкретным сохраняется в большей степени, чем у других. Так, например, в русском языке у названий лиц и животных сохраняется в грамматической категории рода значение мужского или женского пола. Категория числа в строе имен существительных является категорией лексико-грамматической, поскольку «...с формами числа связаны различия не только грамматические, но и лексико-семантические»², о чем свидетельствуют факты разрыва соотносительности между единственным и множественным числом (ср., например, такие слова, как *грязь* и *грязи*, *долг* и *долги*). В отличие от категорий рода и числа, категория падежа в русском языке меньше зависит от конкретно-материального значения слов (ср. *внимательный* падеж

¹ Ср. определение грамматической категории в «Грамматике русского языка», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 9. (В дальнейшем в статье ссылки даются на эту грамматику.)

² В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 155.

со значением прямого объекта действия), и только при ослаблении собственно падежных значений имени существительные начинают выражать обстоятельственные отношения и затем переходить в наречия.

Категория вида в современном русском языке, являясь продуктом длительной абстрагирующей работы мышления, достигла высокой степени обобщенности; однако категория вида в русском языке еще не грамматикализована полностью: об этом свидетельствует тот факт, что многие лексические разряды русских глаголов не имеют парных видовых форм. Наиболее абстрагированными по своему значению оказываются те категории, которые выражают разного рода отношения действительности. «Грамматические категории этого типа — такие, как категория падежа, категория глагольной модальности, категория времени, категория лица с точки зрения речи и т. п., — выражая отношение между предметами и явлениями действительности, а также отношение речи к действительности, совсем не воспринимаются как продукт простого обобщения лексического материала и отвлечения от него. Независимо от их генезиса они являются грамматическими категориями иного качества и иной степени абстрагированности, чем такие грамматические категории, как, например, категория рода имен существительных, категория глагольного вида, категория относительности имен прилагательных, категория лица и одушевленности имен существительных и другие подобные, крепко связанные с лексико-семантическими своеобразиями словесного материала, крепко связанные со своей лексикологической базой. Таким образом, есть глубокие качественные различия в природе разных типов грамматических категорий»³. С другой стороны, различие по степени абстрагированности наблюдается между одними и теми же грамматическими категориями родственных языков. Так, категория деепричастия, лишенная в современном русском языке форм рода, числа и падежа, оказывается по своему грамматическому значению более абстрагированной, чем категория причастия. Но, например, в современном чешском языке деепричастия, сохраняя значения рода и числа, оказываются по своему грамматическому значению менее отвлеченными, чем деепричастия в современном русском языке.

Некоторые наиболее отвлеченные по своему значению грамматические категории, например категория падежа, категории времени и наклонения, получают широкое грамматическое выражение и поэтому могут рассматриваться и в морфологии, и в синтаксисе.

Существенное различие в степени абстрагированности от частного и конкретного обнаруживается, с одной стороны, между частями речи как лексико-грамматическими разрядами слов и, с другой стороны, более общими, но тоже различными по степени отвлеченности грамматическими категориями рода, числа и падежа, вида, времени и наклонения. Части речи, выражая то или другое максимально обобщенное значение (предмета, качества, действия, количественного признака, обстоятельственного отношения и т. п.), представляют собою не лексические только группы слов, а лексико-грамматические разряды, в которых на основе свойственных им грамматических категорий осуществляется абстрагирование от частного и конкретного. Слова, объединенные в таком лексико-грамматическом разряде, подвергаются тем или иным изменениям в соответствии с выражаемыми ими грамматическими значениями и выполняют ту или иную синтаксическую роль в предложении. Так, например, в русском

³ В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 125.

языке имя существительное, выражая предметное значение, имеет морфологические признаки рода, числа и падежа, в которых грамматически выражается значение предметности, и выполняет, в основном, синтаксическую роль подлежащего или дополнения. Глагол, выражая значение действия, имеет морфологические признаки вида, времени, лица, наклонения и залога и выполняет синтаксическую роль сказуемого.

В частях речи и в отдельных грамматических категориях внутри них выражаются не общие понятия универсальной грамматики, а существенные особенности грамматического строя разных групп родственных языков и отдельных языков. Например, в русском языке и в других индоевропейских языках наряду с существительными и прилагательными выделяются глаголы, тогда как в китайском языке глаголы вместе с прилагательными включаются в более широкую грамматическую категорию «предикатива» со значением переменного признака, употребляющуюся в синтаксической функции сказуемого⁴. Категория рода в русском языке является лексико-грамматической категорией, тогда как в английском языке, в тюркских языках совсем нет грамматической категории рода, а во французском языке отсутствует категория среднего рода. Грамматическая категория вида, столь характерная для славянских языков, не характерна ни для немецкого, ни для французского языков. В английском языке герундий может быть отграничен от причастия как особая глагольная категория, отсутствующая в русском и немецком языках и не совпадающая с французским *gérondif*. Глагольная категория каузатива, свойственная грузинскому и турецкому языкам, отсутствует в русском; глагольная категория версии, отграничиваемая от залога в грузинском, в русском не выделяется из категории залога и т. д.⁵

Как лексико-грамматические разряды слов, части речи не только отчетливо отграничиваются друг от друга по грамматическому оформлению присущих им лексических значений, но и объединяются присущими им грамматическими категориями.

В грамматическом строе каждого языка устанавливается закономерное соотношение между грамматическими категориями и частями речи: части речи объединяются общими для них грамматическими категориями; с другой стороны, грамматическое значение частей речи выражается в присущих им грамматических категориях, в свою очередь суммирующих то общее, что лежит в основе изменений слов; наконец, в частях речи осуществляется «переплавка» наиболее обобщенных лексических значений в абстрагированные грамматические значения предметности, действия, качественного или относительного признака, количественного признака, признака качеств или обстоятельственного признака действий или состояний, обобщающего указания на предметы или признаки. В то же время в частях речи не только кристаллизуются и консолидируются грамматические значения слов и их форм, но и происходят глубокие процессы постепенного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества. При этом части речи оказываются центрами не только активного формообразования (включая словоизменение при помощи аффиксов), но и продуктивного словообразования.

В. А. Богородицкий хорошо сформулировал понимание этого двойного аспекта частей речи, определив морфологию как «...учение о частях речи

⁴ См. А. А. Драгунов, Исследования по грамматике современного китайского языка, I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 10—12.

⁵ См. А. Г. Шанидзе, Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 2, стр. 165—172.

в отношении *словообразования и словоизменения*»⁶. В. В. Виноградов правильно указывает, что «взаимосвязанность формообразования и словообразования с категориями частей речи, естественно, сближает и сами процессы формообразования и словообразования»⁷. Об этом же свидетельствует и сближение некоторых словообразовательных категорий с родственными им грамматическими категориями.

В качестве примеров словообразовательных категорий, активно участвующих в расчленении или дифференциации грамматических значений, В. В. Виноградов приводит категории лица, отвлеченности, вещественности, собирательности в системе имен существительных, категории предельной степени признака в именах прилагательных, категорию процесса — состояния в системе глагола. Такова же дифференцирующая функция категории определенности или неопределенности глагольных основ для становления грамматической категории вида и лексико-словообразовательной категории процесса — состояния как базы для выявления временных значений раскрытого настоящего, будущего сложного, имперфектного значения прошедшего несовершенного. Больше того, только при осложняющем и расчленяющем воздействии словообразовательных категорий в системе частей речи становится осуществимым то разграничение грамматических категорий по степени абстрагированности и качественному различию, о котором говорилось выше. Ведь именно для того, чтобы на материальной базе слов могли выкристаллизоваться максимально отвлеченные, собственно грамматические категории падежа, времени или наклонения, категория лица глагола или местоимения, необходимо абстрагироваться от частного и конкретного в лексических значениях слов и в их словообразовательных типах.

*

Как же объединяются в современном русском языке части речи по свойственным им грамматическим категориям? В сфере имен в такой объединяющей функции выступают грамматические категории рода, числа и падежа. Лексико-грамматическая для имен существительных категория рода получает чисто грамматическое значение в согласованных с именами существительными прилагательных, склоняемых причастиях, порядковых числительных и местоимениях-прилагательных, в координируемых с именами существительными глагольных формах прошедшего времени и сослагательного наклонения, в страдательных причастиях, в личных местоимениях 3-го лица единственного и множественного числа при установлении анафорического соотношения между ними и именами существительными в сложных синтаксических единствах. Подобным же образом лексико-грамматическая категория числа имен существительных и личных местоимений получает чисто грамматическое значение в согласованных с именами существительными прилагательных и других частях речи, в координируемых с именами существительными и личными местоимениями глагольных формах настоящего, настоящего-будущего времени и будущего сложного, в формах прошедшего времени глаголов и страдательных причастий, в анафорически употребленных личных местоимениях 3-го лица.

Наиболее абстрагированной, собственно грамматической, является категория падежа, выражающая различные отношения между предметами и

⁶ В. А. Богородицкий, *Очерки по языковедению и русскому языку*, 4-е изд., М., Учпедгиз, 1939, стр. 24; ср. В. В. Виноградов, *Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии*, стр. 117.

⁷ Там же, стр. 111—112.

явлениями действительности. Категория падежа имеет одинаково абстрагированное значение и в именах существительных, и в согласуемых с ними прилагательных и причастиях, числительных порядковых и количественных, местоимениях-прилагательных. Но категория падежа, раскрывающаяся в имени существительном при синтаксическом его употреблении в словосочетаниях и в составе предложения, по преимуществу выражает синтаксические связи имени существительного с другими частями речи. И именно категорией падежа устанавливается связь имен существительных не только с именем прилагательным, причастиями, числительными и местоимениями-прилагательными, но и с глаголами, с другими именами существительными и словами из категории состояния (*больно руку, жаль друга*). Таким образом, падежное отношение имен существительных к другим частям речи оказывается двояким: с одной стороны, падежное значение имени существительного при синтаксической связи согласования распространяется на имена прилагательные, числительные, местоимения-прилагательные; с другой стороны, при синтаксической связи управления то или иное падежное значение возникает в именах существительных личных, вопросительно-относительных, отрицательных и неопределенных местоимениях при сочетании их с управляющими глаголами, именами прилагательными и причастиями и с другими существительными. Поэтому именно «...п а д е ж выражает синтаксические функции существительного, устанавливая отношение существительного в данной его падежной форме к другим членам предложения»⁸ и словосочетания.

Категорией рода объединяются имена существительные, прилагательные и порядковые числительные, причастия, личные местоимения 3-го лица, глагольные формы прошедшего времени. В круг частей речи, объединяемых категорией числа в ее чисто грамматическом выражении, входят личные местоимения 1-го и 2-го лица и глагольные формы настоящего, настоящего-будущего и сложного будущего времени. Широкий объем имеет и наиболее абстрагированная категория падежа, объединяющая имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения, причастия (кроме кратких страдательных). При этом грамматическими категориями рода, числа и падежа имен устанавливаются разнообразные соотношения с глагольными категориями лица, времени, наклонения и залога. Личные формы глагола получают грамматическое значение числа; временные и модальные формы глагола разграничиваются по усвоению или неусвоению ими грамматической категории рода; залоговые значения глаголов находят себе выражение в использовании определенных падежных форм сочетающихся с ними имен существительных и местоимений.

Но грамматические категории рода, числа и падежа объединяются и абстрагируются в пределах отдельных частей речи своеобразно. Так, в имени существительном грамматическое значение предметности выражается именно этими категориями⁹. При этом по отношению к имени существительному в целом все эти категории имеют обобщенное грамматическое значение, тогда как лексико-грамматическое значение рода присуще только отдельным группам имен существительных, а именно — названиям лиц и животных; лексико-грамматическое значение числа свойственно только отдельным именам существительным с нарушением соотносительности между формами единственного и множественного числа. Что касается категории падежа, то и здесь, как уже упоминалось, падежное значение имен существительных в отдельных случаях может ослабляться,

⁸ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 120.

⁹ См. «Грамматика русского языка», т. I, стр. 103; ср. «Современный русский язык. Морфология», М., Изд-во Моск. ун-та, 1952, стр. 57.

и тогда они начинают выражать различные обстоятельственные значения и постепенно адвербиализируются. Таким образом, предметное значение имени существительного как части речи, выражающееся в грамматических категориях рода, числа и падежа, оказывается его грамматическим значением. Внутренняя динамика предметного значения имени существительного обусловлена сочетанием в нем устойчивости грамматического рода, полярности грамматических значений числа и изменчивости его падежных значений. Это особенно отчетливо обнаруживается в структуре именных (субстантивных) словосочетаний, в которых имя существительное, являющееся стержневым словом, представляет собою многообразие двух рядов падежных форм при единстве грамматического рода (например, *большой город, большого города; большие города, больших городов* и т. п.).

Собственно грамматическое значение категории рода в русском языке выражается в подведении под эту категорию всех имен существительных и подчеркивается выделением в особую категорию имен существительных со значением одушевленности-неодушевленности. Грамматикализации категории числа имен существительных способствовали не только утрата двойственного числа, но и обособление категорий единственного и множественного числа от «...соотносительных с ними и как бы пересекавших их категорий единичности и собирательности»¹⁰. В современном русском языке собирательные имена существительные употребляются только в единственном числе, а при употреблении их во множественном числе они входят в состав *pluralia tantum*¹¹ или, в отдельных случаях, представляют собой варианты форм множественного числа¹². Для современного русского языка характерно все увеличивающееся противопоставление форм единственного числа имен существительных формам множественного числа: углубляются акцентологические различия между формами единственного и множественного числа¹³, увеличивается количество существительных, не имеющих форм множественного числа или — в формах единственного числа — не соотносительных по значению с формами множественного числа того же слова.

Категория падежа, выражающая различные отношения между предметами и явлениями, является основным средством грамматической реализации предметного значения имен существительных в парадигме дифференцированных форм словоизменения. Эта наиболее абстрагированная из грамматических категорий имени находит себе закономерное выражение и в местоимениях, когда лица, предметы или явления и их свойства не называются, а только указываются. Именно категорией падежа круг имен и примыкающих к ним местоимений противопоставляется наречиям, лишенным падежных изменений и выступающим в синтаксической функции показателя обстоятельного или качественного отношения.

В категориях глагола выражается грамматическое значение действия. Следует считать плодом недоразумения определение глагола как части речи, обозначающей не только действие, но и состояние. Конечно, есть глаголы, лексически обозначающие состояние (*спать, лежать* и т. п.), но и эти глаголы, обозначая состояние как процесс, в его течении, имеют грамматическое значение действия (абстрагированно от конкретного его содержания). Значение действия выражается глагольными категориями

¹⁰ В. В. Виноградов, Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания, «Вопросы языкознания», М., 1952, № 2, стр. 41.

¹¹ См. «Грамматика русского языка», т. I, стр. 118—119.

¹² См. там же, стр. 154.

¹³ См. там же, стр. 210.

залога, вида, лица, времени и наклонения. Однако между этими глагольными категориями есть существенное структурное различие. Категории залога и вида в русском языке тесно связаны с лексическими категориями. Имеющее большое значение для категории залога разграничение глаголов по их отношению к объекту действия на переходные и непереходные выходит из рамок изучения грамматических отношений между субъектом и объектом действия, являясь одной из центральных проблем глагольной семантики. И все же в категории залога, «...которая обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глагола»¹⁴, есть специфическое грамматическое содержание: категория залога определяет направление действия, устанавливая различие между действием, активно направленным на прямой объект, действием, сосредоточенным в самом субъекте (производителе действия), и действием, обращенным к субъекту как точке приложения действия¹⁵.

Являясь, подобно грамматическому роду в именах существительных, устойчивым признаком того или другого глагола, залог раскрывает общее направление действия, независимое от форм спряжения. Категория залога, охватывающая всю систему глагольных форм, включая инфинитив, деепричастие и причастие, оказывается в общей системе частей речи соотносительной с категорией падежа. Когда эти категории пересекаются друг с другом в синтаксической связи управления, между ними устанавливается структурное соотношение и взаимная корреляция; так, при выражении действительного или страдательного залога в глаголе оказывается необходимым определенное падежное оформление (винительный или творительный падеж) в зависимом от глагола имени. Однако категория падежа существительного оказывается шире, чем категория залога: она связана не только с глаголами в их залоговом значении, но и с другими частями речи: например, с категорией состояния (*больно руку*), с категорией неопределенных числительных (*несколько книг*).

Глагольная категория вида, обозначающая различный характер действия, в зависимости от того, представляется ли оно «...в его отношении к внутреннему пределу, цели, результату или независимо от такого отношения, в его длительности или повторяемости...»¹⁶, так же как и категория залога является продуктом грамматического «...обобщения лексического материала и отвлечения от него»¹⁷. Объединяя все глагольные формы, включая причастие, деепричастие и инфинитив, категория вида, вместе с категорией залога, ограничена кругом глагольных форм и не распространяется на именные образования. Категория вида характеризуется структурной парностью своего грамматического выражения, соотносительностью полярно противоположных значений. Категория глагольного вида соотносительна с категорией числа имен существительных: в совершенном виде глагола глагольное действие выступает как «ограниченное, сосредоточенное в каком-либо пределе совершения»¹⁸, так же как категорией единственного числа имен существительных устанавливается единичность или «...единство, цельность, совокупность, неделимость...»¹⁹ в предметном значении имен существительных; в несовершенном виде действие рассматривается «...в его течении, в процессе совершения, а тем самым в

¹⁴ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 412.

¹⁵ См. там же, стр. 415—416.

¹⁶ Там же, стр. 36.

¹⁷ В. В. Виноградов, Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, стр. 125.

¹⁸ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 426.

¹⁹ Там же, стр. 113.

длительности или повторяемости...»²⁰, т. е. раскрывается внутренняя сложность действия, множественность его состава; таким образом, категория несовершенного вида соответствует категории множественного числа имен существительных, указывающей на раздельное множество предметов²¹.

Максимально абстрагированные глагольные категории спряжения: лица, времени и наклонения — соответствуют категории падежа как основной именной категории склонения. Все эти категории объединяются тем или иным выражением отношения действительности. В категориях лица, времени и наклонения действие приписывается определенному субъекту, устанавливается то или иное отношение действия к реальной действительности и, в случае реализации действия, его включения в реальную действительность, раскрывается то или иное его временное значение как отражение объективного времени. Таким образом, в категориях лица, времени и наклонения действие, приписываемое определенному субъекту, реализуется как происходящее, происходившее или имеющее произойти во времени, или же определенным образом решается вопрос об отношении действия к реальной действительности. И именно эти категории являются базой синтаксической категории предикативности, находящей себе морфологическое выражение в формах лица, времени и наклонения.

Категорией лица объединяются личные местоимения и глаголы в спрягаемой личной форме. Но в личных местоимениях и глаголах категория лица проявляется различным образом. Категорией лица в глаголе устанавливается отношение действия к определенному лицу как производителю действия. При этом связь глагола с действующим лицом, «присуждение» глагольного действия одному из трех лиц, как выражался Добиаш²², осуществляется выражением отношения действия к говорящему лицу.

Личные местоимения раскрывают категорию лица прямым, непосредственным указанием «...на лица (а местоимения 3-го лица и на предметы) по их отношениям к лицу говорящего...»²³. Таким образом, в глагольных формах категория лица находит более абстрагированное выражение, чем в личных и предметно-личных местоимениях. И именно поэтому категория лица в глаголе выступает как «фундамент сказуемости»²⁴. Примечательно при этом, что, употребляясь при глаголах, «местоимения 1-го и 2-го лица, означая отношения между говорящим и слушающим, связаны всегда с живыми деятелями, а поэтому более формальны и легче опускаются»²⁵. Вот несколько характерных примеров:

«И упал он силою и воскликнул в душевной немощи: — Батько! где ты? Слышишь ли ты? — „Слышу“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул» (Гоголь, Тарас Бульба); «— Видишь? Видишь? — старик бросал грозные взгляды на след машины, который шел по карнизу. — Вижу» (Кожевников, Живая вода); «— Нарисовал карту? — спросил Козел. — Сейчас нарисую, — ответил Курымушко» (Пришвин, Кашеева цепь).

²⁰ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 426.

²¹ См. там же, стр. 113.

²² См. А. В. Добиаш, Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка, «Известия Историко-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине», т. XVI, Нежин, 1898, стр. 94—95.

²³ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 27.

²⁴ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 452.

²⁵ Е. М. Галкина-Федорук, К вопросу о безличных предложениях, «Русский язык в школе», М., 1947, № 2, стр. 6.

Категория времени в современном русском языке выступает не только как грамматическое свойство глагольных форм, включая формы причастий и деепричастий, но и как необходимый грамматический признак слов из категории состояния и кратких прилагательных. Таким образом, в категории времени объединяются глаголы, краткие прилагательные и слова из категории состояния. Грамматическое своеобразие категории состояния как особой части речи и состоит в том, что слова этой категории аналитически, при помощи связки или ее соотносительного отсутствия выражают грамматическое время, не устанавливая, однако, никакой дальнейшей дифференциации в кругу основных временных значений настоящего, прошедшего и будущего времени. Обозначая в бессвязочном своем употреблении простое наличие того или другого состояния, слова из категории состояния не могут передавать того различия между раскрытым и нераскрытым настоящим, которое свойственно формам настоящего времени. Приведу ряд примеров такого недифференцированного временного значения настоящего времени у слов из категории состояния при обозначении ими наличных состояний природы, среды, физических и психических состояний человека или других живых существ²⁶.

«А какова погода? — кажется, ветер. — Никак нет-с, ваше сиятельство! очень *тихо-с!* — отвечал камердинер» (Пушкин, Пиковая дама); «Не спится, няня: здесь так *душно!*» (Пушкин, Евгений Онегин); «Шалун уж заморозил пальчик: Ему и *больно* и *смешно*, А мать грозит ему в окно» (Пушкин, Евгений Онегин); «Хотя бы звездочка на небе. *Темно* и *глухо*, как в винном подвале» (Гоголь, Пропавшая грамота); «Смотрите, ведь уж *поздно*, *холодно*» (Лермонтов, Максим Максимыч); «На улицах *пусто*» (Л. Толстой, Казаки); «Как *душно* и *уныло!*» (Чехов, Степь); «Даже теперь мне *совестно*» (Чехов, Сильные ощущения); «И в а н о в. Тебе, Анюта, *вредно* стоять у раскрытого окна» (Чехов, Иванов); «В а р я. Бог с ним совсем, *тяжело* мне его видеть» (Чехов, Вишневый сад); «На сцене — *тихо*» (Горький, На дне); «Очень *тихо* на реке, очень *черно* и *жутко*» (Горький, Мои университеты).

Во всех подобных случаях слова из категории состояния передают настоящее время вне какого-либо выражаемого им отношения к прошедшему или к будущему, хотя и могут выражать значение настоящего времени не только конкретно, но и более абстрагированно, например:

«*Весело* жить в такой земле» (Лермонтов, Княжна Мери); «*Хорошо* плыть ночью по реке» (Горький, Мои университеты); «Как же все-таки *приятно* проезжать по любимым местам» (Бабаевский, Кавалер Золотой звезды).

При употреблении со связкой прошедшего времени *было* слова из категории состояния не могут передавать различия между имперфективным, аористическим и перфектным значением, как это свойственно глаголам прошедшего времени. В словах из категории состояния в таких случаях устанавливается только общая отнесенность выражаемых ими состояний к плану прошлого.

«Уж *было поздно* и *темно*; Серdito бился *дождь* в окно, И ветер дул, печально воя» (Пушкин, Медный всадник); Уж *было поздно* и *темно*, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимы-

²⁶ Часть примеров взята из статьи Е. М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения с безлично-предикативными словами на *о**», («Ученые записки МГУ», вып. 128. Труды кафедры русского языка, тп. 1, М., 1948, стр. 70—85).

ча, говоря, что пора спать» (Лермонтов, Максим Максимыч); «*Неприятно, смутно было у него на сердце*» (Гоголь, Мертвые души); «*В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно*» (Тургенев, Ася); «*Ему было так холодно, как будто он был в одной рубахе*» (Л. Толстой, Хозяин и работник); «*Было тихо, сумрачно и скучно*» (Горький, Мать); «*Кругом было тихо*» (Чехов, Налим); «*Тут было темно и душно, но тепло*» (Чехов, Каштанка); «*Бесполезно было сердиться на него*» (Горький, Мои университеты); «*Было стыдно рассказать о том, что произошло у него с сыном*» (Горький, Дело Артамоновых); «*В станице было не жарко, а душно*» (Бабаевский, Кавалер Золотой звезды); «*Было, как всегда, шумно, весело, радостно*» (Червенцев, Честь смолоду).

Подобным же образом и в сочетании со связкой *будет* слова из категории состояния обозначают простую отнесенность того или иного состояния в план будущего времени, сближаясь в этом своем значении с глагольными формами будущего сложного времени. Однако от последних они отличаются отсутствием видового значения несовершенного вида.

«*Грустно мне будет*» (Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву); «*Ах милый мой, — сказала графиня, — ради бога не рассказывай; мне страшно будет слушать*» (Пушкин, Выстрел); «*Мне и тебе будет обидно*» (Достоевский, Неточка Незванова).

Краткие формы имен прилагательных в бессвязочном употреблении имеют обобщенное значение наличия или постоянства признака, присущего предмету, обычно не соотносительное со значением прошедшего или будущего времени (при употреблении с соответствующими связками). Вот ряд характерных примеров из современной советской художественной литературы²⁷.

«*Счастье неуловимо. Никогда не знаешь, есть оно или нет*» (Павленко, Счастье); «*Да, сколько приходится переживать и нам и всем людям, а жизнь все-таки прекрасна*» (Фадеев, Молодая гвардия); «*Уже брезжило утро: летние ночи коротки*» (Панова, Спутники); «*Мы разговариваем редко — он неразговорчив*» (Некрасов, В окопах Сталинграда).

В тех случаях, когда краткое прилагательное без связки имеет более конкретное временное значение и обозначает признак временный, случайный, это значение временности признака выясняется из всего окружающего контекста или бывает обусловлено лексическим значением имени прилагательного.

«*Вагон команды пуст: все, кроме дежурных, ушли с Даниловым*» (Панова, Спутники); «*Я брежу. Я несчастна, — прошептала она*» (Федин, Первые радости).

При наличии связки прошедшего времени краткие прилагательные по своему основному значению выражают признак, который был присущ предмету на всем протяжении его существования, без дифференциации этого временного значения прошлого на значения аористическое, имперфектное или перфектное.

²⁷ Примеры заимствованы мною из статьи Н. Ю. Шведовой «Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке» («Ученые записки МГУ», вып. 150. Русский язык, М., 1952, стр. 73—132).

«Он *был* всегда *возбужденно-деятелен*, всегда *весел* и в то же время *аккуратен, расчетлив, требователен*» (Фадеев, Молодая гвардия); «Оба *были прекрасны*, как эллинские боги» (Панова, Спутники).

И здесь конкретное значение временного, случайного признака становится ясным только из контекста речи, из окружающей обстановки.

«Он *бросился к калитке*. Двор *был пуст*» (Федин, Первые радости); «Проценко *был мрачен*... Его лицо ни разу не осветила обычная хитрая улыбка» (Симонов, Дни и ночи).

В кратких формах имен прилагательных со связкой будущего времени, так же как и в словах из категории состояния, значение будущего времени ограничивается указанием на простую отнесенность признака к плану будущего времени.

«Я *буду осторожна*» (Фадеев, Молодая гвардия).

В зависимости от контекста и лексического значения прилагательного будущее время в кратком прилагательном может получить значение постоянного признака, отнесенного в будущее.

«*Верна буду* тебе до смерти» (А. Толстой, Восемнадцатый год); «На веки вечные *буду я горд* тем, что судьба судила мне пройти свой путь в нашей коммунистической партии» (Фадеев, Молодая гвардия).

Как показывают приведенные примеры, слова из категории состояния и краткие прилагательные, объединяясь с глаголом, обозначают время состояния или признака как настоящее (наличное или постоянное), прошедшее или будущее. Никакой иной временной дифференциации в значении кратких прилагательных и слов из категории состояния не наблюдается. Однако и этого достаточно, чтобы утверждать, что в плане грамматического учения о слове глаголы (включая в их состав и краткие страдательные причастия), слова из категории состояния и краткие прилагательные объединяются единой им присущей грамматической категорией времени и противопоставляются всем другим частям речи, не имеющим временного значения: именам существительным, прилагательным (полным) и числительным, местоимениям и наречиям.

Что касается категории наклонения, то она объединяет те же части речи, что и грамматическое время: глаголы, слова из категории состояния и краткие прилагательные. Однако более широкое грамматическое значение модальности объединяет глаголы, слова категории состояния и краткие прилагательные с утвердительными и отрицательными словами-предложениями (типа *да, нет*) и с различного рода модальными словами, получающими значение слов-предложений; например, с модальными словами *вероятно, вряд ли* и междометиями, получающими в ответных репликах диалогической речи значение самостоятельных слов, выражающих отношение говорящего к чему-либо высказыванию. Однако слова-предложения, имея определенное модальное значение, не получают при этом никакого временного значения.

Таким образом, в общей системе частей речи в современном русском языке выступает следующее основное противопоставление: слова, объединяемые грамматическими категориями рода, числа и падежа, и слова, объединяемые грамматическими категориями лица, времени и наклонения. В первую группу входят имена существительные, прилагательные (с выделением из них кратких форм и форм сравнительной степени) и имена числительные порядковые. Во вторую группу включаются гла-

голы, краткие страдательные причастия, краткие прилагательные и слова из категории состояния. Особые места в системе частей речи занимают количественные числительные, местоимения, наречия и междометия.

Примечательно положение в грамматической системе частей речи имен прилагательных и причастий. Они и склоняются (в полной своей форме), и «спрягаются» (в краткой своей форме), на что обращал внимание еще А. Х. Востоков²⁸. А. А. Шахматов в «Очерках современного русского литературного языка» включал краткие спрягаемые прилагательные и причастия в систему глагола, а позже, в «Синтаксисе русского языка», склонен был рассматривать краткие формы прилагательных как особую грамматическую категорию.

Резкое различие между краткими и полными прилагательными наблюдается в их отношении к грамматическим категориям времени и наклонения. По формулировке В. В. Виноградова, «краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные — признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте (т. е. только синтаксически. — Н. П.) отнесенный к определенному времени»²⁹ (разрядка моя. — Н. П.). В первом случае признак неизбежно воспринимается как отнесенный к определенному периоду времени, охватывающему или все время существования предмета, или только какой-то отрезок этого времени; во втором случае признак, мыслимый отвлеченно, как общая категория качества, приписывается предмету в качестве его характерной приметы³⁰.

Так как «...значение качества в имени прилагательном становится все определеннее, резче и отвлеченнее»³¹ и так как «...во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественно-сти.»³², качественно-относительные прилагательные представляют собой один основной разряд прилагательных, а краткие и полные прилагательные образуют единство внутри объединяющей их части речи. В тех же случаях, когда краткие прилагательные теряют соотносительность с полными, они, утрачивая качественное значение, закономерно включаются в орбиту категории состояния (*рад, горазд* и т. п.). Таким образом, прилагательные в целом, объединяя значения качества, качественного отношения и качественного состояния, совмещают в себе — в кратких формах — грамматические категории имени и глагола и в этом смысле, не переставая быть «согласуемыми» именами, связывают друг с другом обе названные выше группы частей речи.

В кругу глагольных форм аналогичную позицию занимают причастия: они тоже объединяют в себе грамматические признаки глагола и имени и, не переставая быть формами глагола, имеющими залоговое, видовое и временное значение, оказываются своеобразной «экспансией» глагола в сферу имен. Краткие страдательные причастия в составе причастий занимают положение, аналогичное позиции кратких прилагательных в составе прилагательных в целом: они «спрягаются, вторично «включаются в систему глагола» и получают в аналитическом выражении осложненное временное значение перфекта³³, плюсквамперфекта (при упо-

²⁸ См. А. Востоков, Русская грамматика, § 32, 12-е изд., СПб., 1874, стр. 28—29.

²⁹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 263.

³⁰ Ср. Н. Ю. Шведова, указ. соч., стр. 86—87.

³¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 186.

³² Там же, стр. 205.

³³ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 563, II, Учпедгиз, 1941, стр. 489.

треблении со связкой прошедшего времени), предбудущего (при употреблении со связкой будущего времени).

При помощи местоимений устанавливается «категориальная» связь между склоняемыми именами и спрягаемыми глаголами. Местоимения в категории лица устанавливают связь между глаголами и именами, так как с точки зрения этой категории каждое существительное становится в позицию 3-го лица.

Как отметил еще Ломоносов, местоимения, вследствие своего обобщающего значения, принадлежат к числу «частей слов знаменательных, кратко заключающих в себе несколько идей разных»³⁴, и служат «для сокращения именований»³⁵.

Особое место, занимаемое в системе частей речи количественными числительными, определяется тем, что они, сами по себе не выражая предметного значения и будучи лишены, в основном своем составе, грамматических категорий рода и числа, образуют тесные, в той или иной степени грамматически неразложимые сочетания с именами существительными, являясь их числовыми определениями.

Своеобразное положение наречий в системе частей речи определяется отсутствием у них категориальных грамматических признаков как имени, так и глагола. Поэтому их грамматическая роль сводится к выражению обстоятельств. И здесь также Ломоносов правильно указал на основную функцию наречия в плане грамматического учения о слове. По Ломоносову, наречие включается в состав «частей слова знаменательных, кратко заключающих в себе несколько идей разных», в качестве особой части речи, служащей «для краткого изображения обстоятельств»³⁶. А. А. Шахматов был совершенно прав, указывая, что наречие, «...не обнаруживая в своей форме связи с грамматическими категориями»³⁷, вызывает только «отрицательное определение» «...как часть речи, сама по себе не соответствующая какой-нибудь грамматической категории...»³⁸. Но, увлекшись разнообразными случаями адвербиализации и перехода наречий в предлоги и союзы, А. А. Шахматов не обратил внимания на существенный грамматический признак наречия как отдельного слова, на его обобщающую функцию при выражении им различных обстоятельств.

При грамматическом анализе междометий тоже до сих пор не учитывается их функция в речи, верно отмеченная еще Ломоносовым. «Междометие, — по определению Ломоносова, — представляет движение человеческого духа кратко»³⁹, то есть грамматически обобщенно, и поэтому тоже принадлежит «к частям слова знаменательным, кратко заключающим в себе несколько идей разных». Междометие, по Ломоносову, выражая ту или другую эмоцию или волеизъявление, заменяет отдельным словом целое предложение. Именно поэтому междометие в качестве знаменательного слова необходимо включается в состав слов, выражающих определенное отношение говорящего к происходящему или высказываемому; вспомним пример Ломоносова: «ба!» вместо: «Я удивляюсь, что тебя здесь вижу». В этой своей функции междометия включаются в состав слов, выражающих категорию модального отношения, хотя,

³⁴ М. В. Ломоносов, Полное собр. соч., т. 7, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 406—407.

³⁵ Там же, стр. 408.

³⁶ См. там же, стр. 406—408.

³⁷ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, § 490, стр. 422.

³⁸ Там же, § 491, стр. 425.

³⁹ М. В. Ломоносов, указ. соч., стр. 406.

конечно, в чисто экспрессивной функции они оказываются средствами, только выражающими «различные ощущения и волеизъявления говорящего»⁴⁰, но «...не являются названиями чувств и волеизъявлений...»⁴¹

*

Резюмирую основное содержание настоящей статьи.

1. При построении системы частей речи в современном русском языке необходимо учитывать существенные различия по степени абстрагированности между отдельными грамматическими категориями, фиксирующими то общее, что лежит в основе изменений слов, и частями речи как основными лексико-грамматическими разрядами слов, в которых реализуются грамматические категории.

2. Грамматическое значение частей речи закономерно выражается в присущих им грамматических категориях.

3. Части речи как основные грамматические разряды слов объединяются друг с другом общими для них грамматическими категориями.

4. С грамматическими категориями закономерно связаны словообразовательные категории, выполняющие дифференцирующую, расчленяющую функцию по отношению к соответствующим им грамматическим категориям.

5. Лексико-грамматические категории рода и числа получают чисто грамматическое значение в согласованных с именами существительными прилагательных, числительных и местоимениях и в координируемых с ними глагольных формах, и, таким образом, эти категории в своем грамматическом выражении осуществляют широкое объединение частей речи, разнородных по своему общему грамматическому значению.

6. Наиболее абстрагированная из именных категорий грамматическая категория падежа объединяет и наиболее широкий круг частей речи. При этом падежное отношение имен существительных к другим частям речи оказывается двояким: с одной стороны, падежное значение имени существительного при синтаксической связи согласования распространяется на имена прилагательные, причастия, числительные, местоимения, а с другой, при синтаксической связи управления то или иное падежное значение закономерно возникает в именах существительных, личных, вопросительно-относительных, отрицательных и неопределенных местоимениях при сочетании их с управляющими глаголами, причастиями, прилагательными и другими существительными.

7. В грамматическом строе русского языка устанавливаются разнообразные соотношения между грамматическими категориями рода, числа и падежа имен и глагольными категориями лица, времени, наклонения и залога.

8. Предметное значение имени существительного, поскольку оно выражается в грамматических категориях рода, числа и падежа, оказывается его не только лексическим, но и грамматическим значением.

9. Грамматическое значение действия выражается, хотя и неравномерно, глагольными категориями залога и вида, лица, времени и наклонения.

10. Грамматической категорией лица объединяются личные местоимения и глаголы в спрягаемой личной форме, но в глагольных формах категория лица находит более абстрагированное выражение, чем в личных и предметно-личных местоимениях.

⁴⁰ «Грамматика русского языка», т. I, стр. 674.

⁴¹ «Современный русский язык. Морфология», стр. 478.

11. Грамматической категорией времени объединяются глаголы, слова из категории состояния и краткие прилагательные.

12. Грамматическое своеобразие категории состояния как особой части речи состоит в том, что слова этой категории аналитически, при помощи связки или ее соотносительного отсутствия, выражают грамматическое время, не устанавливая, однако, никакой дальнейшей дифференциации в кругу основных временных значений настоящего, прошедшего и будущего времени.

13. Своеобразное положение имен прилагательных в системе частей речи заключается в том, что они, объединяя значения качества, качественного отношения и качественного состояния, совмещают в кратких своих формах грамматические категории имени и глагола и в этом смысле связывают друг с другом обе эти группы частей речи.

14. В кругу глагольных форм аналогичную позицию занимают причастия: они тоже объединяют в себе грамматические признаки глагола и имени.

15. При анализе грамматических функций и положения в системе частей речи местоимений, наречий и междометий необходимо учитывать указания Ломоносова о принадлежности их к «частям слова знаменательным, кратко заключающим в себе несколько идей разных», т. е. «сократительную» функцию этих разрядов слов. Необходимо разграничивать в составе междометий знаменательные слова, выражающие модальное отношение и являющиеся словами-предложениями, и междометия с экспрессивной функцией, выражающие только различные ощущения и волеизъявления говорящего.